

ГАЛИ ИБРАГИМОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И СЛАМА
И ЕГО
СОЦИАЛЬНЫЕ
КОРНИ

КАЗГОСИЗДАТ
АЛМА-АТА
1937

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСЛАМА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ

Э 581
ОТДЕЛ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

КАЗГОСИЗДАТ
АЛМА-АТА—1937

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТЕОРИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСЛАМА

Ислам, являющийся религией около 250 миллионов человек, проживающих в различных частях земного шара, имеет свою продолжительную историю. С момента своего возникновения и до самого последнего времени он подвергался различным реформам и изменениям. Несмотря на это, в основе ислама до сего времени сохранилась идеология той социальной обстановки, при которой он возник, именно, зарождавшегося в VII веке в Аравии феодального строя, пропитанного уже торговыми отношениями.

Вопросом о происхождении и сущности ислама в Европе начали интересоваться еще в средние века. Но изучение ислама сводилось тогда к освещению с тенденциозной точки зрения. Возникший в Аравии и распространившийся далеко за ее пределами (вплоть до Китая) ислам является в то время сильным конкурентом христианской религии, вследствие чего научный объективный подход к нему тогда совершенно не применялся. Христианские миссионеры, например, старались создать представление об исламе, как об орудии дьявола. Данте, отразивший в своей „Божественной комедии“ средневековые представления, поместил вождя исламского движения Мохаммеда в „9-м отделении ада“, за то, что тот „отнял у христианства много народов“.

Несмотря на то, что в 40 годах 19 столетия начинается научная разработка вопросов исламоведения, буржуазные ученые не могли дать правильного, марксистского анализа происхождения и сущности ислама. Они уделили много труда и внимания разбору биографии Мохаммеда, ставя возникновение ислама в зависимость от его личности (Вейль, Коссен-де Персеваль, Ренан, Мьюир, Шпренгер, Нельдеке Мюллер, Вельхаузен, Гольциэр, Ламменс, Крымский, Бартольд, Соловьев и др). Создатель первой теории происхождения ислама А. Шпренгер даже утверждал, что ислам является религией кочевых и полукочевых народов и что его быстрое

распространение объясняется особыми физическими и психическими свойствами, выработавшимися у бедуинов под влиянием благотворного климата пустыни, а также „религиозным рвением“ арабов и „фанатизмом“ тюркских кочевников. Идеологически подходя к истории ислама, буржуазные ученые не вскрывают всех тех социально-экономических условий Аравии, при которых возник ислам. Они просто обходят молчанием такой фактор, как возникновение феодальных отношений на почве разложения патриархально-родового строя арабов и роль в этом деле арабского торгового капитала. Буржуазные ученые часто объясняют происхождение ислама исключительно влиянием иудейской и христианской религий на арабских кочевников (бедуинов) и ролью личности Мохаммеда, ставшего во главе последних. Они ограничиваются только описанием патриархально-родового быта Аравии, противоречий между исламом и прежними арабскими племенными отношениями различных периодов исламского движения, исламских сект и т. п.

Немецкий ученый Г. Гримме в своей книге „Мохаммед“ (1892 г.) даже утверждает, что учение Мохаммеда было, собственно, не религией, а одним из видов социализма. Такой взгляд он обосновывает, главным образом, на том, что военная добыча будто бы поровну разделялась между всеми мусульманами. На самом же деле, львиная доля добычи попадала всегда вождям и командирам исламского войска. По табели, сообщаемой источниками, любимая жена Мохаммеда— Айша получала в год 12000 дирхем (приблизительно 5000 рублей), прочие жены — 10000 дирхем, старшие сподвижники, сражавшиеся при Бедре и, ближайшие родственники — 5000 дирхем, воины от 600 до 2000 дирхем, смотря по времени принятия ими ислама, наконец, самая низкая категория— дети и рабы — получали 100 дирхем (ст. „Ислам и коммунизм“ в сборнике „Ислам“—издание 1931 года).

Взгляд Гримме, построенный на шатких основаниях, встретил суровую критику даже со стороны известного в те времена голландского путешественника арабиста Снук Хургронье, который выступил со специальной статьей в опровержение мнения Гримме. Но Гримме оказался не одинок. Ему всячески вторят другие буржуазные ученые, стремясь извратить в сознании трудящихся масс понятие социализма и коммунизма. Подтвердим сказанное соответствующими выдержками. Мюллер пишет: „Если захотелось бы подыскать имя тому направлению, в котором шли расперяжения Омара, то можно было бы его назвать попыткой создания религиозно-военного коммунизма на национальной почве. Коммунизм выдуман не Омаром, а Мохаммедом, принцип которого о равенстве всех мусульман является, правда лишь новым выра-

жением того чисто демократического самосознания, которое и поныне кроется в крови свободного араба.; принцип, что все государственные доходы составляют общую собственность всех мусульман, и, за вычетом общественно-необходимых расходов, подлежат разделу, столь же явно коммунистичен, как воззрение установившееся в более благородном смысле у христиан“.

Профессор католического Бейрутского университета Ламменс говорит: „Реакция против коллективизма, намеченного Мохаммедом с непредусмотрительностью, характеризующей многие другие творения этого странного законодателя, эта реакция уже зашла весьма далеко, когда Моавья взял в свои руки судьбы ислама“. Еще резче высказывается Нельдеке: „Было несчастьем для ислама, счастьем для мира, что военно-коммунистическая организация (ислама) не могла долго существовать“. Но перлом в этом отношении является относящееся к исламу выражение Шпренгера: „На социалистическом, жадном к грабежу Востоке капиталисты были всегда гонимы, такую же тенденцию обнаруживают и современные демократические учреждения“ (приведенные выдержки взяты из вышеназванной статьи).

Из этих цитат видно насколько буржуазные ученые хотят запутать, подтасовать истинное положение вещей и извратить понятие о социализме и коммунизме. Вообще же отождествление ислама с коммунизмом не выдерживает никакой критики.

Обширный труд по истории ислама составлен итальянским ученым Л. Каэтани. С 1905 г. по 1914 г. вышло 7 томов его „Летописей ислама“, обнимающих первые 32 года мусульманской эры. Труд Каэтани представляет сводку расположенных в хронологическом порядке исторических источников по исламу. Цель его облегчить исследование будущему историку. Каэтани развивает свою, так называемую, новейшую теорию о происхождении ислама. Он изображает появление ислама, его распространение за пределы Аравии, как последний акт этнически эмиграционного движения „семитов“ вышедших из Аравии. Это движение, начавшись по крайней мере за 5000 лет до христианской эры, продолжаясь с перерывами и различной интенсивностью вплоть до Мохаммеда, обязано было, по его мнению, перенаселению и экономической нужде, стеснявшей племена Аравии. Перенаселение и экономическая нужда вызывались, по Каэтани, изменением климата и постоянным высыханием почвы Аравийского полуострова.

Теория Каэтани не раскрывает социально-экономической сути исламского движения. Кроме того, она представляет Аравию такой же отсталой страной, какой та была,

например, в период предыдущей эмиграции арабов в Палестину т. е. около 600 лет до р. х. Между тем, в эпоху возникновения ислама, в VII веке, в Аравии мы видим уже совершенно другую социально-экономическую жизнь: в ней были широко развиты торговля, земледелие, садоводство и разные ремесла, что способствовало разложению родового строя и возникновению феодальных отношений. Любопытно, что относительно даже Центральной Аравии путешественник Пальгрев отмечает следующее: „Пустынность мест, где ныне кочуют бедуины, явление недавнего времени; в старое время земли эти были обработаны и населены и теперь много развалин и следы колодцев“. (Palgrave, „Une année de voyage dans l'Arabie centrale“ I, Paris, 1865, 24).

Высыхание почвы во времена непосредственно предшествовавшие исламу заставило арабов-бедуинов только энергичнее бороться за свое существование. Одни рыли колодцы и сажали возле них финиковые пальмы, прекрасно растущие в неприветливых условиях пустыни; другие удалялись в гористые местности, где были пастбища, а третьи пополняли свой скудный доход грабежами караванов и своих оседлых соседей. Что же касается оседлых арабов, то тогда они были таким же цивилизованным народом, как например, египтяне или ассирийцы и потому могли местами создать искусственное орошение и таким образом бороться со стихийными силами природы. Например, в Южной Аравии (Иемен) была сооружена знаменитая Маарибская оросительная система. Но принимая во внимание, что ислам зародился в сравнительно менее плодородной западной части Аравии, в Хиджасе, можно допустить там в известные периоды некоторое перенаселение в связи с ухудшением климата и высыханием почвы. Все же и в таком случае сводить исламское движение только к причинам перенаселения совершенно неверно. Ведь, Южная Аравия впоследствии тоже приняла активное участие в этом движении. Чем же тогда объяснить участие оседлого, сравнительно цивилизованного населения Южной Аравии в движении арабов под флагом ислама?

Население Южной Аравии примкнуло к исламскому движению тоже под влиянием разложения родовых отношений и экономического кризиса. В частности, к VII веку абиссинцами были разрушены Маарибская плотина и ряд городов Южной Аравии, что привело к упадку земледелия и торговли Южной Аравии. Исламское движение, возникшее в Западной Аравии, представлялось и южным арабам как бы выходом из создавшегося затруднительного положения. Колоссальное движение арабов в VII веке имело свои глубокие социально-экономические причины, более важные,

чем изменение климата и высыхание почвы, вызвавшие будто бы „последнюю“ эмиграцию арабов. Оно было связано с „историческим поворотом“ в жизни Аравии. Маркс и Энгельс в своей переписке об исламе, касаясь причин его возникновения не выдвигают факторов климатического порядка.

Энгельс в письме к Марксу пишет: „Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, они были по всем видимостям таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их постройки. Это также объясняет многое в магометанском нашествии“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 484).

К. Маркс в своем ответном письме Энгельсу от 2 июня 1853 года пишет: „Во времени Магомета торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д. находились в то же время в торговом отношении в состоянии упадка, что, конечно, также дало толчек“ (исламскому движению—Г. И.)

С этим мнением соглашается и Энгельс в письме от 6 июня 1853 года, где он, говоря о значении искусственного орошения в пустыне, пишет: „Этим объясняется и тот факт, что одна единственная разрушительная война могла превратить страну в пустыню, безлюдную на сотни лет, и уничтожить всю ее цивилизацию. Сюда же относится и уничтожение южно-арабской торговли в эпоху, предшествующую Магомету, которую ты совершенно правильно считаешь одним из важнейших моментов, подготовивших магометанскую революцию“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XXI стр. 494).

Таким образом, ясно, что климатические факторы могут стоять только в некоторой связи (как подсобные факторы) с основными причинами завоевательного движения арабов под знаменем ислама.

В. В. Бартольд в своих высказываниях приближается к теории Каэтани. Придавая огромное значение личности Мохаммеда, он говорит, что движение арабов в VII веке было подготовлено исключительно прежними беспорядочными передвижениями арабов за пределы Аравийского полуострова, еще не имевшими завоевательного характера (Бартольд, „Культура мусульманства“ стр. 24).

В советской литературе по исламоведению тоже появился целый ряд концепций по вопросу происхождения ислама: „физиологическая“, „кочевническая“, „крестьянская“, „торгово-капиталистическая“.

Нигмет Хаким в своей книге „Происхождение ислама“, придавая большое значение личности Мохаммеда, пытался

раскрыть „секрет“ тех „божественных откровений“, из которых якобы составлен коран и другие религиозные книги. Он стал ярким сторонником физиологической теории происхождения ислама, утверждая, что Мохаммед был невропатом, истериком и с детства страдал припадками, при которых ему представлялись различные видения, галлюцинации. Эти галлюцинации он, дескать, и принимал за образ и голос архангела Гавриила, который, по утверждению религиозных книг, передавал Мохоммеду „божественные откровения“. Мохоммед получил, якобы, около 1000 откровений или, говоря языком Н. Хакима, Мохаммед видел и слушал в своих галлюцинациях около 1000 раз архангела Гавриила. Эти 1000 откровений и составили потом 114 глав и 6236 стихов корана, сохранившихся до настоящего времени. Благодаря этим откровениям, говорит Н. Хаким, Мохаммед и решил объявить себя пророком и стать во главе исламского движения (Н. Хаким „Происхождение ислама“ на татарском языке, изд. Казиздата 1926г.)

Такая постановка вопроса в корне неправильна, антинаучна и не обоснована достоверными данными. Она сводит происхождение ислама к галлюцинациям и иллюзиям. Физиологическая же теория не приемлема даже для В. В. Бартольда. „Было время, говорит Бартольд, когда европейские ученые изображали Мохаммеда эпилептиком и истериком; было даже установлено медицинское название его болезни *hysteria muscularis*. Теперь это мнение оставлено; эпилептические и истерические натуры не могут быть свободны от болезненных колебаний и увлечений“ (В. В. Бартольд „Ислам“ издание 1918 г. стр. 17). Если мы примем на веру, что у Мохаммеда бывали галлюцинации зрения и слуха, то все же ясно, что не они явились причиной выхода Мохаммеда на арену борьбы за новую религию — ислам. Мохаммед решился выступить и возглавить раннее исламское движение в условиях разложения арабского родового строя, под давлением, в первую очередь, интересов мелко-буржуазных торговых кругов корейшитского племени (в г. Мекке), к которому и сам принадлежал.

Стихи корана сочинялись не во время каких-то галлюцинаций (о наличии которых нет достоверных источников), а совершенно сознательно в зависимости от складывающихся обстоятельств. Нельзя также утверждать, что их составлял только один человек.

Таким образом, Н. Хаким затушевывает действительные, социально-экономические причины происхождения ислама. Он пытается заменить марксистскую социологию физиологи-

ей и психологией, что, конечно, совершенно недопустимо ¹.

В отличие от Каэтани, объясняющего происхождение ислама перенаселением, псевдо-профессор бандит Асфендияров, разоблаченный враг народа, фальсифицирует историю происхождения ислама „кочевнической“ теорией т. е. пастбищным кризисом и переплодом скота в кочевом хозяйстве. Его антимарксистские исторические концепции необходимо нам до конца разоблачить и изъять его вредные книги. Он писал, что развитие скотоводческого х-ва при невозможности свободного расселения вело к пастбищному кризису, вследствие увеличения количества скота. Это обстоятельство привело якобы к исламскому движению в Аравии. („Материалы к изучению Востока“, часть I, издание 1928 г. и журнал „Атеист“ № 58 за 1930 г.).

Притягивая за волосы теорию кочевого хозяйства буржуазный националист Асфендияров обходит молчанием самое основное т. е. разложение в VI и VII веках родового быта арабов и процесс возникновения феодализма, а также роль и значение в этом арабского торгового капитала.

В статье „Происхождение ислама и его классовое основание“ М. Томара представляет ислам, как идеологию крестьянской бедноты, зародившейся на почве кризиса в земледельческом хозяйстве Аравии. Эта теория „крестьянской бедноты“ тесно смыкается с „кочевнической“ теорией врага народа Асфендиярова, который писал, что первыми последователями Мохаммеда была беднота, его непримиримыми врагами—тор-

¹ Теория о припадках и галлюцинациях Мохаммеда проскальзывает иногда в разные антирелигиозные издания. Например, врач К. В. Беркова, описывая в своей книге „Чудо“ явления галлюцинаций, берет в качестве примера Мохаммеда. Она пишет: „сын знойной Аравии, живший в конце VI и начале VII столетия нашей эры, среди кочевников-бедуинов в эпоху разложения их древней религии и развития идолопоклонства, постоянно размышлявший над делами веры, Мохаммед пришел к убеждению, что он призван обновить арабскую веру. Неудивительно, что ему в галлюцинациях являлись архангелы Гавриил и Михаил, называли его пророком и посланником божьим и призывали на подвиг. Архангел Гавриил диктовал ему новое учение, о котором Мохаммед постоянно и напряженно думал. Другими словами, архангел Гавриил был он сам, его „нижнее сознание“, в котором таились неоформленные мысли.

Религиозной окраске галлюцинаций Мохаммеда способствовало еще одно обстоятельство. По дошедшим до нас сведениям о жизни Мохаммеда, он с 6-ти летнего возраста страдал какими-то судорожными припадками с потерей сознания. Это повидимому, была эпилепсия (падучая болезнь). А эпилепсия часто сопровождается бредом и галлюцинациями“ (К. Беркова „Чудо“, стр. 90—91, издание „Московский рабочий“, 1929).

Таким образом, тов. Беркова используя сомнительные источники, соглашается с теорией Н. Хакима. Она взяла неудачный пример для разоблачения чудесных видений.

В Малой Советской Энциклопедии (том 5, стр. 340, изд. 1931 г.) тоже сказано, что „Мохаммед с детства страдал падучей болезнью и галлюцинациями“.

говцы Мекки... Мохаммед объединял вокруг себя якобы мекканскую бедноту: обедневших скотоводов, оторвавшихся от своего рода, бедняков и рабов и что среди торговцев Мохаммед, дескать, успеха не имел никакого.

Обе эти теории являются антибольшевистскими и по существу ничем не отличаются от высказываний махровых буржуазных исламоведов также утверждающих, что ислам был создан городской и земледельческой беднотой, разорившимися скотоводами и рабами при оппозиции торгового капитала и что сам Мохаммед якобы был бедняком, а в детстве даже пастухом. Такой взгляд не имеет под собой никакой научной почвы. Он льет воду только на мельницу классово-враждебных элементов, подлых троцкистско-зиновьевских, бухаринских агентов фашизма и смыкающихся с ними контрреволюционных националистов и мусульманского духовенства, которые в связи с успехами строительства социализма пытаются „реформировать“ ислам в своих интересах и часто лицемерно надевают „защитную красную маску“, отождествляя ислам с коммунизмом.

Наиболее распространенной концепцией происхождения ислама среди советских исламоведов была примерно до 1931 г. „торгово-капиталистическая теория“, которая исходила из методологически неправильного признания „торгового капитализма“, как самостоятельной общественно-экономической формации. Это антимарксистское понятие о „торговом капитализме“ проповедовал в своих трудах историк М. Н. Покровский. Дискуссия об общественно-экономических формациях много помогла советским исламооведам в критике „торгово-капиталистической теории“. Отойдя от названной теории, советское исламоведение рассматривает теперь ранний ислам, как идеологию зарождавшегося феодального строя Аравии.

И в самом деле, в истории Востока и Запада торговый капитал не представляет собой какого-то оторванного от тогдашнего феодального общества явления с собственной самостоятельной политической надстройкой. Торговый капитал Запада и Востока, развившись внутри патриархально-феодальных отношений, уживался с феодальными методами производства, так как наличие феодализма как общественно-экономической формации, совершенно не исключает возможности существования в той или иной мере торгового хозяйства.

В. И. Ленин писал: „В крепостном обществе по мере развития торговли, возникновения мирового рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс—класс капиталистов“ „...крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем

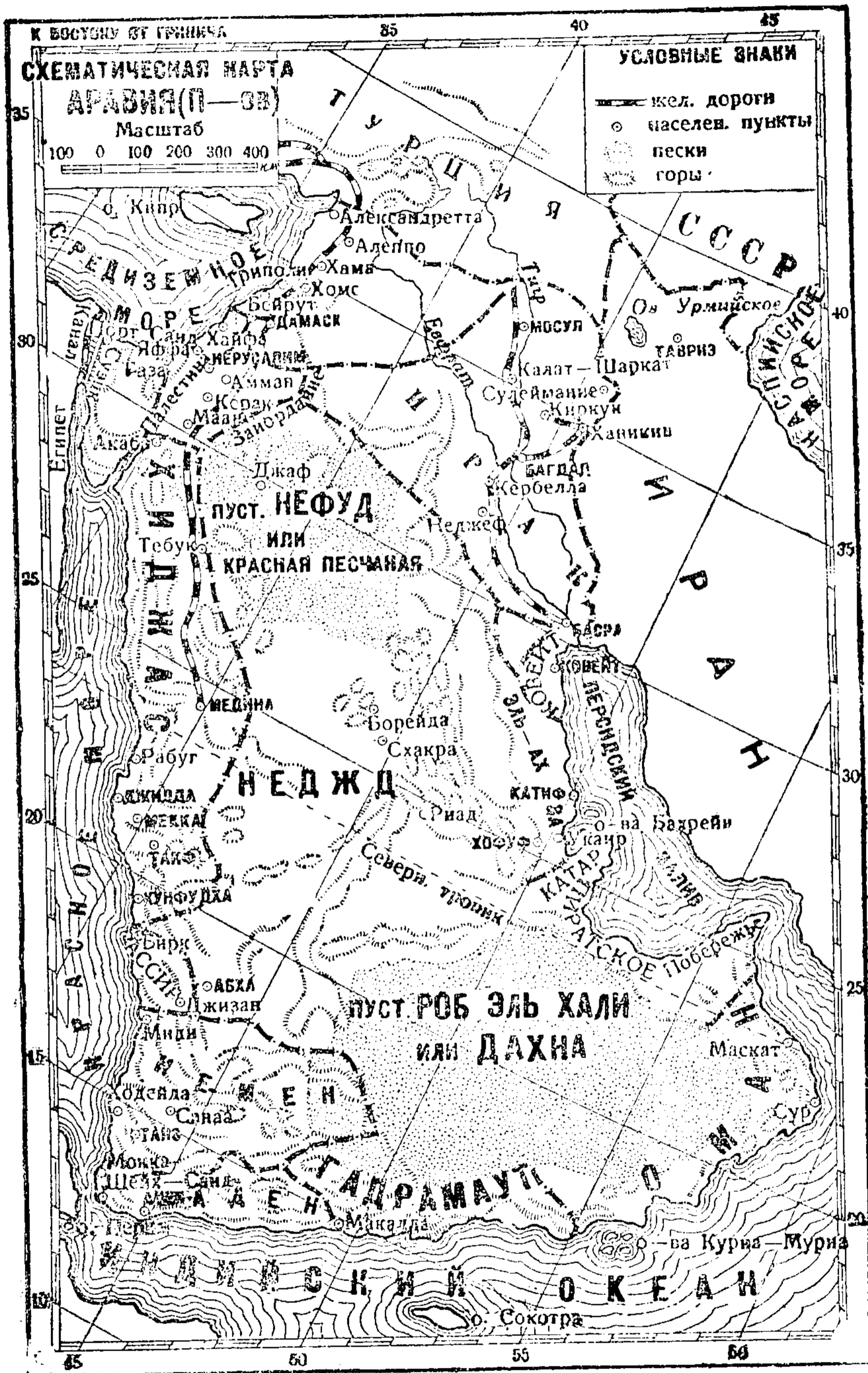
был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму". (Ленин, соч., т. XXIV, стр. 367,371). Поэтому вопреки утверждениям буржуазных историков на свете не бывает „чистого“ феодализма. Наряду с этим торговый капитал, уживаясь с различными социально-экономическими формациями, не создает своей собственной политической надстройки, а ограничивается лишь своим влиянием на видоизменение существующей политической системы (например, способствует превращению феодальной монархии в абсолютизм и т. д.), ибо характер политической надстройки определяется не обменом, а способом производства. Вот почему, борющиеся между собой в прошлом обширные государства Востока и Запада, как-то: Арабский халифат, Сельджукский и Османский султанаты, Византия и другие, будучи феодальными государствами, в то же время находились под влиянием торгового капитала выросшего в недрах самих феодальных государств. Торговый капитал активизировал их борьбу на внешней арене и давал направление завоевательным устремлениям. В такой борьбе за завоевания, особенно больших успехов достигли Арабский халифат и Османский султанат.

Однако, Казиздат выпускает в 1934 году в Алма-Ата антирелигиозный учебник, где опять проповедуется осужденная уже „торгово-капиталистическая теория“ о происхождении ислама. Мало того, в этом учебнике в разделе „происхождение ислама“ некоторые положения прямо взяты из контрреволюционных религиозных источников. Например, на стр. 100, мы читаем о том, что Мохаммед объявил себя пророком только после того, как видел знаменательный сон на горе Кура и что об этом событии еще заранее было известно семье Абуталипа и т. п. ерунда. (Антирелигиозный учебник на каз. языке, авторы: Кротов, Жиенгалиев, Сергалий, Галимжан, Алибек, изд. 1934 г.)

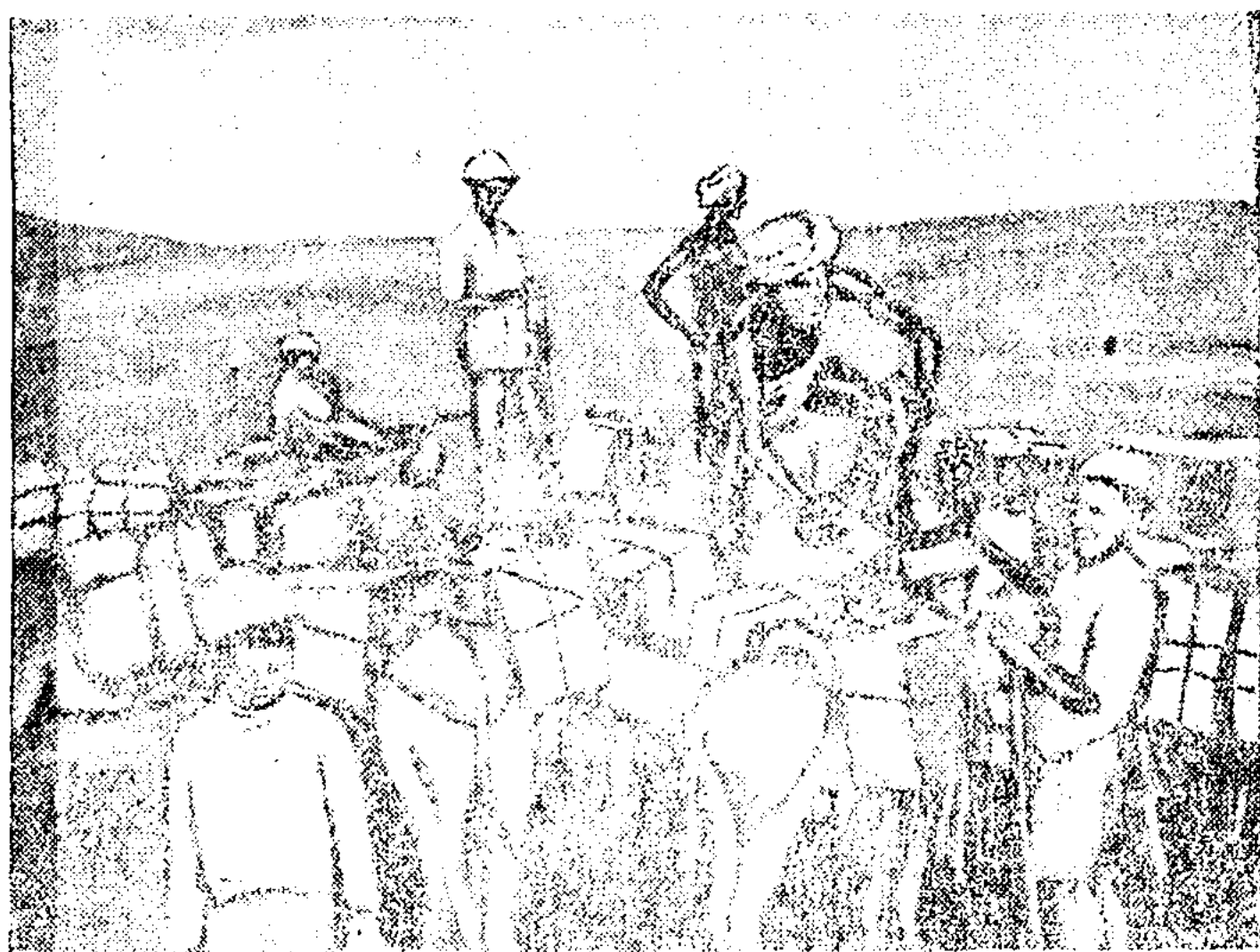
Наши марксисты-востоковеды еще мало занимаются серьезной разработкой вопросов исламоведения. Как известно, некоторые наши издания по исламу и антирелигиозной пропаганде (как на национальных, так и на русском языках) оказывались не вполне свободными от влияния трудов буржуазных ученых и, как результат этого влияния, подносили читателю ряд антимарксистских взглядов.

Ислам образовался на основе ранее бывших религиозных верований различных народов. Однако, ислам отличается от других религий своими внешними формами и условиями возникновения. При изучении истории ислама для целей антирелигиозной пропаганды надо, прежде всего, знать его родину, его создателей—арабов, их социально-экономическую жизнь, обычаи и верования. Только после такого ознакомления мы сможем представить себе сущность ислама и его социальные корни.

Аравия отличается от других стран своими географическими особенностями. Она с трех сторон окружена водой. Западный берег Аравии граничит с Суэцким каналом и Красным морем. С востока—Аравия омывается Персидским заливом и рекой Евфратом и, наконец, с юга Аравийским морем и Индийским океаном. Только на севере она соединена с Передней Азией. Но и здесь находятся большие песчаные пустыни и горы. Почти $\frac{7}{9}$ естественных рубежей Аравийского полуострова—морские и лишь $\frac{2}{9}$ сухопутные. Площадь Аравии составляет почти $3\frac{1}{2}$ миллиона квадратных километров. Если сравнить величину Аравии с Европой, то Аравия равна одной четвертой части Европы и в шесть раз больше Франции. Омывающие Аравию моря и заливы, благодаря своей небольшой ширине, уже в древнейшие времена были легко проходимы для мореплавателей, для купцов и завоевателей, и потому нередко происходили передвижения народов из Аравии в Египет, Абиссинию, Иран и из этих стран обратно в Аравию. Вместе с тем и горные хребты, отделяющие Аравийский полуостров от Азиатского материка, не являлись непреодолимым препятствием для различных завоевателей, вторгавшихся в разные исторические эпохи на территорию Аравии. Аравия представляет собою огромное песчано-горное плато с приподнятыми на юге и западе краями. Поверхность ее выжжена солнцем, груды голых камней и ряды песчаных гор занимают почти все плоскогорье, оазисы среди них редки. Реки имеются в северо-западной и северо-восточной частях страны: в Палестине—

Орант и Иордан и в Ираке—Тигр и Евфрат. В остальных частях Аравии нет крупных рек, встречаются только „уади“ т. е. широкие лощины, наполняющиеся водой после дождей. Эти временные речные русла иногда достигают до тысячи метров длины. Озера также отсутствуют за исключением Мертвого моря, в Палестине. В Аравии очень жаркий климат. В основном там существует два климатических пояса: приморская часть с жарким и влажным климатом и внутренняя песчано-горная часть Аравии, дающая резко-континентальный климат: жгучий жаркий день и морозные холодные ночи, с резкими ветрами и большой разницей в температуре летом и зимой (летом до $+45^{\circ}$ жары, зимой до -10° .) В некоторых местах, в особенности в мало исследованных пустынях „Дехна“ и „Нефуд“, жара доходит до 70 градусов. Временами на возвышенных местах плоскогорья выпадают дожди, особенно в Иемене, Хиджасе, Ираке и Палестине. Там, где выпадают осадки и имеются реки, существует богатая растительность, преимущественно, тропического характера. Здесь произрастают кофе, сахарный тростник, бананы, индиго, финиковая пальма. Там же по горным склонам расстилаются пастбища и встречаются небольшие леса.

Иемен. Караван ишаков снабжается водой.

Почва Аравии не однородна. В Иемене и Хиджасе имеется плодородная почва вроде чернозема, и там с давних времен занимались земледелием и разведением плодовых деревьев, особенно хорошо там выращиваются финики и кофе. Из хлебных злаков сеют пшеницу, кукурузу и ячмень. В юж-

ных областях (Иемене, Хазрамауте, Омане) в древности существовала развитая оросительная система. Недаром, Иемен назывался в древности „Счастливой Аравией“. В тех районах Аравии, где по естественным условиям земледелие было невозможно, основной отраслью народного хозяйства было скотоводство (овцы, козы, верблюды, ослы и кони). Из всех этих животных самым полезным и нужным являлся верблюд, который давал арабу все необходимое для жизни, как-то: молоко, мясо, шерсть и кожу. Верблюд служил арабу и главным средством передвижения. Несмотря на разницу почвы и климата в различных частях Аравии, коренным населением Аравии являлись арабы, разделенные на различные племена и говорившие на одном арабском языке, с некоторыми только легкими отклонениями в наречии, диалекте. Арабы, проживающие в городах, в те времена, занимались также и посреднической торговлей между Ираном, Индией, Византией, Египтом, Абиссинией, Финикией и прочими странами. Такие города, как Мекка, Ятриб¹ и Таиф являлись крупными торговыми центрами. Жители арабских городов, т. е. племена, связанные с торговлей, были экономически более сильными и богатыми по всей Аравии.

¹ Город Медина до переселения в него мусульман назывался Ятрибом или Ясрибом.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В АРАВИИ ДО ИСЛАМА

На разложение родового строя в Аравии и возникновение феодального с его идеологией—исламом большое влияние оказал арабский торговый капитал.

Вокруг Аравии до ислама были богатые, с большим торговым капиталом, соседи. На северо-западе—Византия, Рим; на западе—Египет и на востоке—Иран. С этими соседями арабы имели постоянные торговые сношения. Арабские купцы вели постоянные торговые сношения и с Индией, откуда вывозились мануфактура, хлопок, сандал, сахарный тростник, слоновая кость, дорогие камни и проч. Окружающие Аравию Персидский залив, Аравийское и Красное моря служили большими торговыми путями. Аравия, находясь между своими торговыми соседями в самом центре, как бы служила скрещением всех торговых путей и куда бы соседи не вздумали ехать, из Египта в Иран или из Индии в Византию кратчайший путь для них пролегал именно через Аравию. По пословице—„арабы сидели на четырех перекрестках“. До прорытия Суэцкого канала Азия и Африка соединялись сухим путем через Аравию. Великий океанский путь в Индию в рассматриваемую эпоху еще не был известен, открыт он, как известно, португальским мореплавателем Васко-де-Гама только в 1498 году. Поэтому купцы, перевозившие товары из Индии в Византию, Египет и др. страны, обыкновенно останавливались у берегов Аравийского моря, выгружали свои товары с кораблей и караванным путем через Йемен и Хиджас направлялись дальше или тут же на месте перепродавали другим купцам. Что касается Красного моря, то оно не влекло к себе мореплавателей; вследствие массы подводных камней, плавание на нем было сопряжено с опасностями и к тому же на Красном море, обычно, царило полнейшее безветрие, отчего парусные корабли большей частью останавливались у Джидды, где и выгружались, отсюда товары уже караванным путем направлялись дальше по Аравии.

Однако, война между Византией и Ираном в VI веке

за монопольное обладание торговыми путями, и овладение зоной пассатных ветров способствовали оживлению торгового плавания по Красному морю. Этой же войне обязана своим оживлением и караванная дорога вдоль его восточного берега.

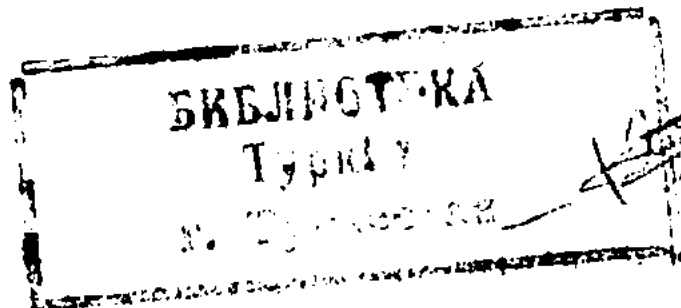
В то время был еще один торговый путь из Индии и Ирана через Персидский залив, реку Евфрат и Сирию. Но пользовались им мало. Тогдашние морские суда по реке Евфрату не были приспособлены для плавания. Перспектива выгрузки на маленькие лодки, чтобы затем пересесть на верблюдов и пуститься по Сирийской пустыне сулила много хлопот и лишений. Кроме того, длительная война Ирана с Византией и Римом фактически часто делала этот путь закрытым.

Одним словом, откуда бы караваны не трогались, из Сирии ли, из Палестины ли, или из Йемена и Хазрамаута, они в большинстве случаев не миновали Хиджаса. В Хиджасе сходились почти все караванные пути.

26132
В VI веке начинает замечательно оживляться еще другой мировой торговый путь, именно: из Персидского залива через весь Иран и Месопотамию к Черному морю. Преимущество этого пути: сравнительная безопасность от вооруженных нападений и обеспеченность особой государственной постановкой дорожно-почтового дела Иранской Империей Сассанидов. Индийские и иранские купцы воспользовавшись этим путем для транзита своих товаров в Византию, Сирию и Египет, нанесли чувствительный удар по торговле юго-западной части Аравии. Но все же прежние караванные пути не были совсем заброшены. Арабские купцы не переставали временами посещать и по старым путям Индию, Иран, Египет и др. страны, ведя с ними посредническую торговлю.

15888
„Значение Аравии во всемирной торговле усилилось во время Юстиниана (Византийский император 527—565 гг.), так как постоянные войны с Персией закрыли обычные пути, которыми сирийское и египетское население и побережья Средиземного моря поддерживали свои сношения с Персией и Индией. Через Аравию шли вина греческих островов, шерстяные ткани Милета, пурпур тирский, манускрипты Египта и Пергама, товары Индии, слоновая кость и черепаховые изделия Африки, рабы, китайский шелк, обезьяны, павлины. Часть товаров направлялась водой, часть шла транзитом, караванами через Аравию“ (Ф. И. Успенский — „История Византийской империи“ стр. 817).

Таким образом, географическое положение Аравии, в частности Хиджаса, дало арабским купцам возможность еще до возникновения ислама развивать свою, главным образом

посредническую, торговлю и сконцентрировать в своих руках значительный капитал. В 6 — 7 веках наиболее крупный торговый капитал находился в руках племени корейшитов, проживавшего в Мекке. Корейшиты устраивали у себя большие ярмарки и сами постоянно ездили на ярмарки в другие города. Кроме того, они отправляли торговые караваны в Йемен, Сирию, Египет, Иран, и другие страны как с транзитными товарами, так и с товарами Хиджаса и Неджда.

В отправке и встрече каравана участвовали все слои населения Мекки, вкладывая в него свою долю средств, в зависимости от состояния. Торговые караваны состояли иногда из тысяч верблюдов. Например, шедший под предводительством крупного купца Абу-Суфьяна мекканский караван, из-за обладания которым произошел бой у колодцев Бедра между корейшитами и мусульманами из Медины, состоял из тысячи вьючных верблюдов, стоимостью в пятьдесят тысяч золотых динаров (или миллион золотых франков). От историка Табари (стр. 127) узнаем еще о другом караване, шедшем под предводительством мекканского крупного купца Омейи-ибн-Халифа. Караван этот насчитывал две тысячи пятьсот вьючных верблюдов. Такие караваны перевозили ценный транзитный груз, состоявший, например, из благовоний, красильных веществ, украшений, лекарственных растений, китайского шелка, индийских тканей, а также рабов для невольничьих рынков.

Мекканцы не прекращали отправку караванов и тогда, когда мусульмане из Медины создавали корейшителям затруднения в борьбе за обладание Меккой. Например, историк Вакиды передает следующий диалог мекканцев (стр. 196):

„Сказал Сафван-Ибн-Омейя: „Мохаммед и сподвижники его сделали одноглазой нашу торговлю. Мы не знаем, что делать с его сподвижниками, чтобы они не тревожили побережье и жителей побережья. Мы не знаем по какому пути следовать... Мы помещаем наши капиталы, торгуя летом с Сирией, а зимой с землей Абиссинской“. — Сказал ему Асвад-Ибн-Ал-Муталлаб: „тогда сверни с побережья и возьми путь на Ирак“ — Сказал Сафван: я не знаю его. — Сказал Абу-Зама: „Мы найдем проводника, который проведет тебя этим путем“.

Мекканцы вели торговлю с окрестными бедуинами, выменивая у них продукты их скотоводческого хозяйства (кожа, шерсть, копченое мясо, сыр и проч.).

Кроме торговли, в Мекке было развито и ростовщичество. Местная торговая обстановка создавала благоприятную для него почву, принося одним обогащение, другим разорение.

Мекка распространяла свое торговое и финансовое влияние и на ближайший город Таиф. Многие мекканцы имели

свои земельные участки, имения в окрестностях Таифа. За крепкую экономическую связь этих городов арабские историки называли их даже „маккатани“, т. е. „две Мекки“.

В окрестностях Таифа было развито хлебопашество, садоводство, огородничество и скотоводство. Поэтому, Таиф снабжал Мекку продовольствием, а также кожевеными изделиями и выделанной кожей.

В различных частях Аравии в определенные времена года устраивались ярмарки. Например, в Неджде ярмарка „Деутель джандель“; в Бахрейне ярмарка „Хаджар“; в Омане „Мушаккар“ и „Сахар“; между Оманом и Аденом на берегу Аравийского моря устраивалась ярмарка „Шахр“; и в Йемене ярмарки „Одан“, „Санга“, и „Хазрамаут“; в уезде Арафа—ярмарка „Зильмаджар“ и около Мекки ярмарки „Оказ“, „Маджаина“ и „Хубаша“.

Самой крупной ярмаркой была „Оказ“, устраиваемая около Мекки. С товаров иностранных купцов, приезжающих на ярмарку „Оказ“, корейшиты взимали 10 проц. пошлины.

В торговых городах Аравии в то время было множество складов, амбаров и магазинов. Между прочим и само слово „магазин“ арабское.

Таким образом, мы видим, что у арабов 600-х годов была развита торговля. Почти все историки ислама сходятся на том, что Мекка была торговым городом, большим транзитно-складочным пунктом. Но не только Мекка выделялась своей торговлей. Вслед за Меккой в Хиджасе можно назвать в качестве торговых городов также Таиф и Медину.

Рост торгового капитала способствовал разложению арабского родового строя и создавал стремление к объединению враждовавших между собой арабских племен.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОИ У АРАБОВ ДО ИСЛАМА

До ислама у большинства арабских племен был родовой строй: они вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Это имело место, главным образом, в Хиджасе, Неджде, а также на северо-востоке Аравии и отчасти на юге, где, однако, преобладали земледелие и оседлость.

Кроме того, значительная часть арабов занималась земледелием и садоводством, которые были развиты на юге (Иемен, Хазрамаут, Оман), на востоке (Иемаме, Бахрейн) и в некоторых оазисах, имевшихся на севере и востоке Аравийского полуострова. В этих областях, обеспеченных водой, благоприятным климатом и плодородной почвой, развивалось земледелие и происходила концентрация рабовладельческой и феодальной земельной собственности.

Некоторые исламоведы утверждают, что в указанных областях Аравии был исключительно патриархально-родовой строй. Но в действительности, там начал развиваться уже феодализм, сохранявший внутри себя патриархально-родовые пережитки. Конечно, этого нельзя утверждать про большинство арабской территории, где еще не дошли тогда до феодальной собственности, но кое-где феодализм уже проглядывал. Зародыши его появлялись и в Хиджасе.

Арабский феодализм, содержа в себе много общего с европейским, имел в то же время и свои отличительные черты. Типичный для Аравии феодализм мы находим в областях Йемена, Хазрамаута и Омана.

Журнал „Фэнь эм Дин“ (№4,5 за 1930 г.) сообщает, что земля там находилась в руках мелких и крупных феодалов. Обработывалась она рабами и крестьянами, находившимися в различной степени зависимости от своих феодалов. Часть таких крестьян — полукрепостных, продавалась вместе с землей.

Арабские феодалы жили в своеобразных замках, которые назывались „каср“. Иерархически феодалы разделялись на мелких вассалов и крупных — сюзеренов. Самый крупный феодал назывался „малик“.

Перед появлением ислама главой феодалов в Йемене

был Сейф-Ибн-Зиязен, бывший предводитель иеменцев в их борьбе за освобождение Йемена (с помощью Ирана) из под власти Абиссинии, державшей Йемен в 6 веке на положении своей колонии более 50 лет.

Предания и арабские историки представляют Сейф-Ибн-Зиязена в виде короля, сидящего с короной на троне в замке „Тумдан“ и окруженного мелкими феодалами, в присутствии которых он принимал различные делегации, пришедшие его поздравить с победой. Во время перехода Хиджаса в руки мусульман в Йемене сюзереном-феодалом уже был родственник Сейфа-Зурга. В Йемене среди арабов „ханифэ“ из сюзеренов-феодалов известен Хавза-Ибн-Али, с которым мусульмане имели переписку. Известный „лжепророк“ Мусейлима в свое время был вассалом этого феодала.

В Бахрейне среди арабов „абулькайс“ и „бекр“ к числу сюзеренов можно отнести и Мунзира - Ибн - Хави, который также имел переписку с мусульманами и впоследствии к ним примкнул.

Наличие феодальной собственности в Медине, наряду с общинной, родовой видно из следующей выдержки, приводимой Вельхаузенем: „Аль-И-Баба было имением Ухайла и замок его был Ад-Дахиан. Он был князем Аус, к тому скупец и ростовщик, который почти все земли в Медине держал в своих руках. У него было 99 верблюдов, занятых поливкой садов. У него было два замка“. (Вельхаузен, стр. 43).

Эти феодальные и полуфеодальные гнезда, сохранившие внутри себя родовые и племенные признаки, старались оберегать свою самостоятельность.

Отличительной чертой арабского феодализма было то, что он в большой степени пропитался товарными отношениями. Например, из южных областей Аравии вывозились в различные города: пшеница, кукуруза, ячмень, фасоль, дыни, баклажаны, тыквы, фишки, орехи, виноград, миндаль, лимоны, яблоки и прочее. В частности, Мекка значительную часть продовольственных товаров ввозила себе из такой феодальной области как Йемене. Между прочим, предание гласит, что один из иемамских феодалов Сумама-Ибн-Усала принял в Медине ислам, но за этот акт в Мекке он встретил к себе неблагоприятное отношение со стороны корейшитов—противников мусульман. Тогда Ибн-Усала разгневавшись перестал посылать хлеб в Мекку. Это обстоятельство, говорит предание, явилось одной из причин больших продовольственных затруднений в Мекке, что и вынудило корейшитов обратиться в Медину к мусульманам, прося разрешения вывезти из Йемене необходимое продовольствие.

О феодалах, обладавших множеством золота, серебра и

различных монет и занимавшихся торговлей, можно найти много материалов в древнем арабском фольклоре, поэзии и истории.

Скотоводческие кочевые племена с их родовым строем, также не оставались в стороне от торговли, бывшей в то время в Аравии.

Они вывозили время от времени на продажу в земледельческие и торговые районы свои излишки, как-то: лошадей, верблюдов, ослов, баранов, коз, шерсть, копченое мясо, масло и т. п.

У кочевников купцы покупали или нанимали верблюдов, которые нужны были им для торговых караванов, проходивших по аравийской пустыне, где верблюды могут делать переходы, оставаясь без воды до 15—20 дней.

У кочевых племен в то время не было чистого натурального хозяйства. Благодаря этому, происходило постепенное превращение родового вождя—шейха в своеобразного ростовщика, с вытекающим отсюда усилением эксплуатации своих соплеменников.

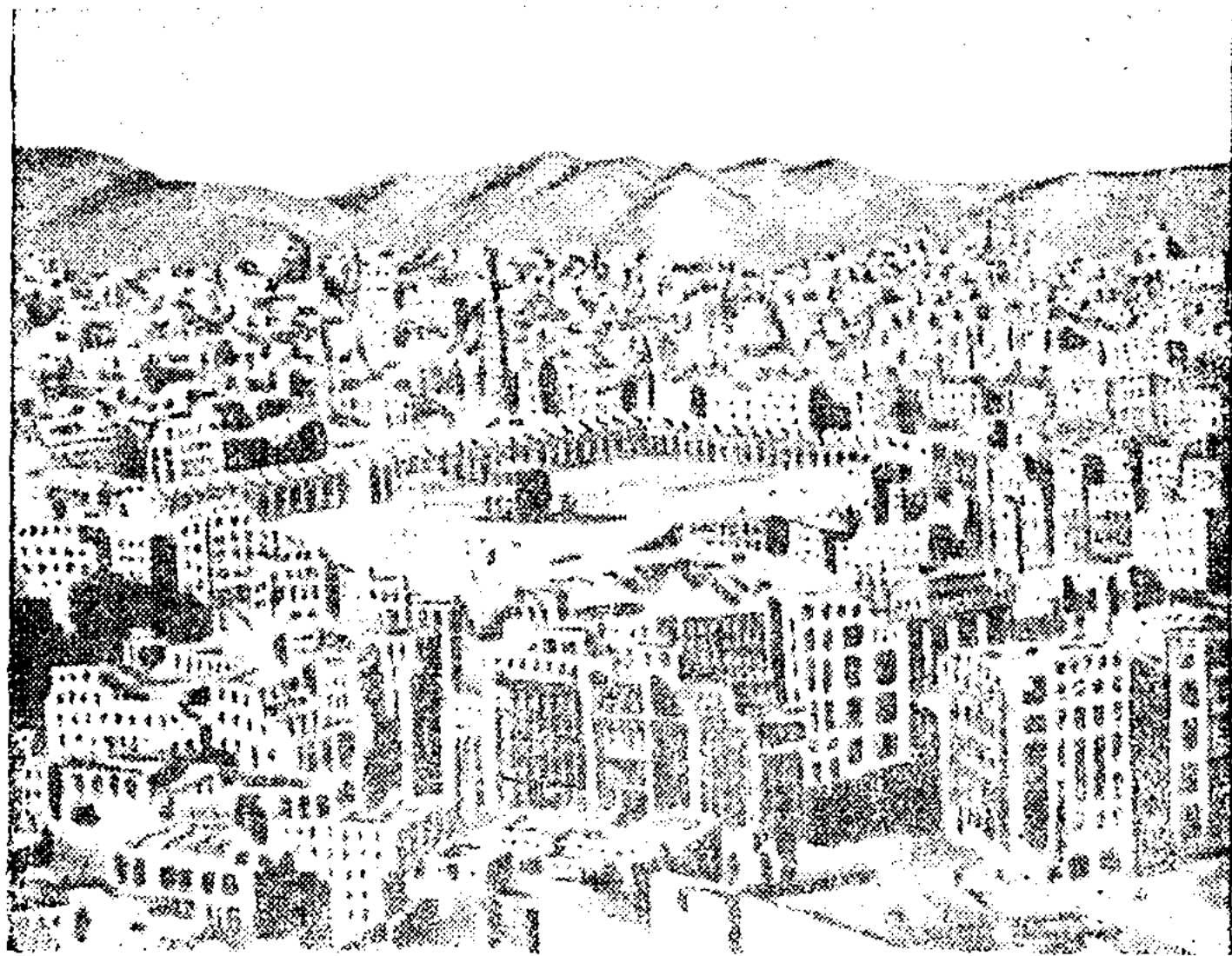
Вместе с тем, в Аравии к рассматриваемому времени образовалось множество ремесленников, продукт производства которых также шел на продажу. Ремесленники выделывали кожаные изделия, посуду, одежду, кинжалы, стрелы, лопаты, разные сладости и прочее. Посредниками, поощрителями и, как полагается, одновременно эксплуататорами мелких ремесленников были арабские купцы, которые переправляли их товары в другие города и в соседние страны. Для продажи товаров внутреннего и заграничного производства устраивались в различных городах Аравии в известные периоды года большие ярмарки. Самой большой ярмаркой, как мы уже указали, была ярмарка в Оказе близ Мекки, в которой принимали участие купцы различных стран.

Вообще в Хиджасе (Мекка, Таиф, Ятриб) торговля была сильно развита. Если Таиф и Ятриб были все же связаны с земледелием и садоводством, чему благоприятствовала плодородная почва оазисов, то Мекка являлась исключительно торговым центром.

Однако, и купцы Таифа и Ятриба владели большим количеством скота, садов, полей для потребности рынка.

В Мекке занимались систематической отправкой торговых караванов, как на внутренние, так и на внешние рынки. Из недр патриархально-родового быта Мекка, Ятриб и Таиф выросли в торговые города. Во главе означенных арабских городов стояли выборные главы, которые избирались из среды шейхов отдельных городов, территориально входивших в данное племя. Например, до возникновения ислама такими главами в Мекке поочередно были Хашим, Аб-

дул-Мутталиб, Абу-Талиб. Для разрешения различных государственных вопросов созывались совещания шейхов и имелось некоторое функциональное разграничение по управлению самой Меккой, ее Каабой и ярмарками, как-то: фи-

Мекка. Общий вид. В центре—Кааба.

нансовый, военный и политический отделы. Во время возникновения исламского движения в Мекке общего главы города уже не было. Власть была разделена между 12 родами племени корейшитов, составлявших одну коалицию. Однако, по своему социальному и материальному положению эти роды были не одинаковыми. Одни из них составляли в своей массе мелкую и среднюю буржуазию, а другие крупную. Например, роды Хашим, Тамим и Ади возглавлялись мелкой буржуазией, а роды Махзум, Джумах и Омейя—крупной буржуазией. Интересы мелкой и крупной буржуазии, безусловно, сталкивались в своих противоречиях и поэтому между этими родами не прекращалась борьба за гегемонию в Мекке, несмотря на видимую коалицию.

Мерилом ценности у арабов являлись деньги; но за неимением своих у них были в обращении римские, византийские и иранские золотые и серебряные монеты.

Таким образом, в экономике Аравии был большой сдвиг от натурального обмена и хозяйства в сторону торгового капитализма. Товарное, денежное обращение проникло и в среду скотоводов, земледельцев, феодалов и ремесленников.

Разнообразие же социальных групп среди арабов определялось экономическими условиями жизни в той или иной местности Арабистана. Развитие торговли с одной

Арабский воин из бедуинов.

стороны разлагало родовой строй, а с другой—способствовало сосредоточению в руках отдельных лиц земельной и скотоводческой собственности. Арабские купцы и феодалы стремились сочетать в одном лице и купца и ростовщика и собственника земли, скота, что мы наблюдаем, например, в Иране, Афганистане, Китае.

Во главе кочевых племен стояли старейшины (шейхи).

Каждое кочевое племя жило совершенно независимо. Между многочисленными кочевыми племенами происходили беспрестанные кровопролитные стычки. Кроме того, они занимались нападениями на торговые караваны, мотиви-

руясь тем, что населенные ими пустыни не давали им возможности развивать скотоводческое хозяйство и жить без нужды.

Купцы к тому же представлялись им как богатые эксплуататоры, недопускавшие их к своим землям, пастбищам и водным источникам: Кочевники нападали также и на владения феодалов. Такие нападения вдохновляли и руководили ими шейхи или их приближенные, смотревшие на это дело, как на источник личной наживы и обогащения. Вражда между самими кочевыми родами и племенами возникала также по экономическим поводам и длилась иногда целые десятилетия. Главной причиной раздоров являлась неурегулиро-